

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ВЕДЕНИЯ ГОРНЫХ, СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ ВИДОВ РАБОТ Problems of Subjective Imputability in Criminal Liability for Violating Rules Of Mining, Building Or Other Types Of Work

М. В. Бавсун – начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент;

К. Д. Николаев – заместитель начальника кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

И. Г. Рагозина – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент

M. V. Bavsun – Head of the Criminal Law Department of the Omsk Academy of the Russian MIA, Doctor of Law Sciences, Associate-professor;

K. D. Nikolayev – Deputy-head of the Criminal Law Department of the Omsk Academy of the Russian MIA, Candidate of Law Sciences, Associate-professor;

I. G. Ragozina – Head of the Criminal Law and Criminology Department of the Omsk Law Academy, Candidate of Law Sciences, Associate-professor

Аннотация. В статье поднимается проблема реализации принципа субъективного вменения применительно к ст. 216 УК РФ. Обращается внимание на доминирование объективного начала

в ходе реализации уголовной ответственности за нарушение правил при ведении горных, строительных или иных видов работ. Неизбежность такого начала объясняется целесообразностью, которая в случаях подобного рода преобладает над идеей законности, выступая в качестве необходимого критерия уголовно-правового воздействия.

The article reveals the problem of implementing the principle of subjective imputability according to article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is stated that an objective basis prevails in enforcement of criminal liability for violation of rules when conducting mining, building and other types of work. Inevitability of such basis is explained by reasonability which in suchlike cases prevails over the idea of legality as an inevitable criterion of criminal law influence.

Ключевые слова: *нарушение, горные, строительные и иные виды работ, целесообразность, вменение, уголовная ответственность.*

Violation, mining, building and other types of work, reasonability, imputability, criminal liability.

На сегодняшний день проблема виновного вменения в отечественном уголовном праве стоит достаточно остро. При этом отдельные ее аспекты, такие, например, как соотношение субъективного и объективного начал, вызывают наибольшие разногласия среди специалистов. На страницах печати обсуждается вопрос о том, возможно ли вообще субъективное вменение в его чистом виде и как относиться к ситуациям, связанным с отступлениями от данного начала. Прежде всего, обращается внимание на то, что в складывающейся правоприменительной практике существует немало случаев, связанных с выходом за рамки субъективного вменения и необходимостью реализации уголовной ответственности на основе объективного начала. Одним из таких случаев, когда идея субъективного вменения не может быть реализована в чистом виде, является ответственность за нарушение правил при ведении горных, строительных или иных видов работ.

Необходимо отметить, что применительно к строительным, горным или иным работам преступная небрежность проявляется в случаях, когда, совершая какое-либо действие, работник не сознает, что оно запрещено, и, наоборот, при наличии достаточных обстоятельств, в которых лицо способно и должно предвидеть наступление общественно опасных последствий, оно не выполняет определенных действий. Следовательно, происходит игнорирование субъектом своей обязанности проявлять должную степень предусмотрительности, вытекающей из определенной профессиональной квалификации, когда презюмируется знание правил ведения работ либо предшествующего инструктажа. Предви-

дение последствий является юридически значимым, обязательным, объективно и субъективно достоверным, опережающим представлением субъекта преступления о неизбежном или возможном причинении предусмотренного законом вреда [9, с. 200]. В то же время определенные категории субъектов, к числу которых можно отнести субъекта ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), должны знать не только типичные, но и исключительные характеристики поступков. Поэтому мера обычной требовательности уголовного закона в подобном случае существенно расширяется, оставаясь, однако, в рамках предвидения результата, обладающего признаками возможности либо неизбежности.

Объективный критерий небрежности носит нормативный характер. Выражаясь в осознании преступником противоправности и наказуемости совершенного им деяния, он дифференцируется в зависимости от должностного положения последнего. Отсутствие обязанности предвидеть возможный результат своего поведения исключает ответственность за фактически наступивший вред, но применительно к ст. 216 УК РФ данное правило, как указывалось выше, действует с определенными изъятиями. Это вызвано тем, что обязанность предвидения основывается не только на законе, но и на существующих технических, бытовых правилах и выполняемых профессиональных функциях.

По мнению В. Е. Квашиса, «рассматривая границы противоправного неосторожного поведения, нельзя не отметить, что одним из ее важнейших контрпунктов является объем и характер наступивших вредных последствий. В то же вре-

мя сама природа неосторожных деяний такова, что эти последствия зачастую не зависят от воли и «качества» поведения причинителя вреда и поэтому носят во многом случайный и ситуативный характер» [4, с. 13–14].

В свое время М. Д. Шаргородским была высказана точка зрения, согласно которой уголовная ответственность должна следовать не за сам факт наступления преступных последствий, а за то, что лицо принимает на себя ответственность за действия, с последствиями которых оно справиться не в состоянии [12, с. 103]. В целом, не соглашаясь с такой позицией, хотелось бы заметить, что при подобном обосновании ответственности за преступную небрежность уголовно наказуемым является уже сам факт принятия на себя определенных обязательств. Между тем многие преступления (включая ст. 216 УК РФ), совершаемые по небрежности, требуют наступления конкретных последствий, указанных непосредственно в законе. Более того, исходя из данной концепции, следует поднимать вопрос и об ответственности тех лиц, которые осуществляли прием на работу виновного, наделяли его определенными обязанностями и т. д. На наш взгляд, ни в первом, ни во втором случаях нельзя вести речь о субъективном вменении. Как бы то ни было, вопрос об ответственности будет напрямую зависеть от факторов объективного характера, а именно от того, могло и должно ли было лицо предотвратить наступление преступных последствий. Данные критерии кладутся в основу обоснования ответственности, которая в данном случае в первую очередь целесообразна [2, с. 136].

В свою очередь, признание наличия у лица возможности и обязанности предвидения преступных последствий в результате совершаемых им действий считается вполне достаточным для реализации в отношении него мер уголовной репрессии. Таким образом, в подобных случаях нужно вести речь о так называемой профессиональной или специальной вменяемости [8, с. 38]. Такой вывод вытекает из содержания небрежности и становится возможным, когда на лицо возлагается определенная обязанность по соблюдению тех или иных правил (производства, эксплуатации, осуществления работ или оказания услуг) и когда они выполняются им ненадлежащим образом. Именно данное конкретное лицо имело обязательство, и именно оно должно нести ответственность за его нарушение, в отли-

чие от других лиц, которые в сложившейся обстановке не смогли бы принять верное решение. Обязанность, которая существует у этого лица, как раз и обуславливает наличие у него вменяемости [2, с. 136].

Вместе с тем нельзя согласиться с позицией, согласно которой ответственность за преступления, совершаемые на производстве посредством нарушения установленных правил и повлекшие последствия, указанные в УК РФ, должна рассматриваться через призму субъективного вменения [5, с. 10]. Профессиональная вменяемость, на наш взгляд, полностью строится на началах целесообразности. Если субъект был обязан и имел возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий, значит, ответственность необходима. Непосредственно психическое отношение лица, допустившего нарушение, повлекшее за собой последствия, указанные в уголовном законодательстве, будут в меньшей степени волновать суд при оценке этих последствий. Поэтому в данном случае необходимо вести речь об ответственности, которая базируется не на субъективном, а на объективном вменении. Именно таким образом выглядит практическая сторона данного вопроса, исходя из которой и должна решаться рассматриваемая проблема.

Однако объективный критерий используется только для определения необходимой модели поведения, избираемой субъектом. Вывод о возможности в конкретном эпизоде жизнедеятельности предвидеть вредоносность поведения можно сделать на основании субъективного критерия. Это представляется весьма важным, так как на практике порой возникают случаи, когда лицо, по общему правилу обязанное сознавать общественную опасность своих действий, в силу определенных причин не имело возможности и не могло этого сделать. В подобных обстоятельствах должен быть сделан вывод об отсутствии в действиях лица признаков состава преступления, однако на практике такое происходит не всегда.

Более того, большинство опрошенных следователей органов внутренних дел и прокуратуры в случаях такого рода вполне допускают отсутствие четкого представления у лица, нарушившего правила безопасности, относительно возможных последствий нарушения. Так, на вопрос «Является ли сознательное отношение преступника к совершаемому им деянию и к его послед-

ствиям обязательным признаком субъективной стороны преступления?» 32,9 % респондентов ответили утвердительно для всех без исключения случаев, 57,4 % полагают, что сознательное отношение должно присутствовать только в умышленных преступлениях, и лишь 4,3 % ответили отрицательно. Несмотря на это, 51,2 % опрошенных считают вполне допустимым привлечение к ответственности лиц, у которых отсутствует сознательно-волевое отношение к совершенному ими деянию, что как раз характерно и для рассматриваемого случая, где психическое отношение не наблюдается [1].

Таким образом, небрежность как форма вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, по общему правилу характеризуется отсутствием предвидения общественно опасных последствий, обязанностью и субъективной возможностью их предвидения. Однако в силу профессиональных навыков субъекта два последних обстоятельства необходимо трактовать расширительно, основываясь на должностных обязанностях правонарушителя и знаниях, приобретенных им в учебных заведениях и в процессе трудовой деятельности. Об этом говорит и М. С. Гринберг, что там, «где обязанность налицо, суды последовательно вменяют виновникам упущений объективно случайный вред» [3, с. 470], т. е. исходят из объективного вменения.

Сформулированный тезис также подтверждается и проведенным в рамках диссертационного исследования И. С. Улезько анализом уголовных дел, возбужденных по ст. 216 УК РФ. Так, из 170 изученных обвинительных заключений и материалов проверок в 112 обвиняемые указывали на то, что они не предвидели наступления общественно опасных последствий и не могли их предвидеть. Еще 58 человек отнесли последствия, наступившие в результате своего бездействия, к неожиданным для себя, что, по мнению данной части респондентов, делает их невиновными в их наступлении. Интересно, что 93 человека отметили внешние факторы как основные и не зависящие от них обстоятельства, которые самым непосредственным образом повлияли на принятие ими неверного решения, что и обусловило возникновение общественно опасных последствий [10, с. 116].

На наш взгляд, вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности в таких случаях решается исходя из соображений практической

целесообразности, но никак не с позиции психологической теории вины. Официальная позиция законодателя предельно ясна: лицо, совершившее преступление при незнании уголовного закона, невыполнении тех или иных требований и т. д., от ответственности не освобождается. Данное положение целесообразно, но не более того, его нельзя соотносить с принципом субъективного вменения [6, с. 54–62]. Субъективное вменение предполагает ответственность только за совершение деяния под контролем сознания и воли, т. е. при наличии у лица психического отношения к тому, что он совершает, а также реальной возможности руководить своими действиями. Отсутствие у виновного способности осознавать собственное поведение не позволяет говорить о наличии у него сознательно-волевого отношения ни к самому деянию, ни к тем последствиям, которые могут наступить в результате его совершения.

В то же время, исходя из существующей позиции законодателя, ответственность за преступление наступает вне зависимости от того, в каком состоянии находилось лицо на момент его совершения. Характерным в этом отношении является следующий пример. Так, при демонтаже несущей конструкции галереи, осуществляемом с применением газосварки, произошло обрушение здания, в результате чего четверо рабочих погибли под обломками железобетонных конструкций и еще одному сотруднику были причинены тяжкие телесные повреждения. Следствие по делу установило, что указанные лица были допущены к работам без обучения безопасным методам и приемам их осуществления, предварительного инструктажа, стажировки и проверки знаний требований охраны труда. К уголовной ответственности по ч. 3 ст. 216 УК РФ привлечено несколько сотрудников строительной компании К, в чьи должностные обязанности входило проведение вышеперечисленных мероприятий. Отсутствие при этом у них предвидения общественно опасных последствий своего бездействия не могут исключать уголовную ответственность.

Потребность реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершающих преступления на производстве, что называется по незнанию, при отсутствии у них осознанности своих действий всегда существовала. Однако говорить о том, что в данном случае реализация мер уголовной репрессии осуществляется

на основе принципа субъективного вменения, было бы неверным. Безусловно, к ответственности такие лица должны привлекаться, но в ее основе при этом лежат начала целесообразности, а не субъективное вменение.

По своей сути тезис «незнание закона не освобождает от ответственности» (который, кстати, не находит своего выражения в УК РФ, но существование которого считается догмой, не подлежащей обсуждению) носит принципиальный характер, выступает как принцип уголовной ответственности. Принцип как основополагающее положение или идея должен быть или закреплен законом, или вытекать из закона. Однако ни того, ни другого в уголовном законодательстве нет. Скорее, закон предусматривает возможность признания деяния совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не знало об уголовно-правовом запрете.

Привлечение к уголовной ответственности за деяния, которые «выпадают» из общей теории вины и не могут быть объяснены с позиции внутреннего отношения лица к своим действиям и наступающим последствиям, является ни чем иным, как объективным вменением, в основе которого лежат начала целесообразности [13, с. 11]. Его существование в современной действительности настолько масштабно, что, по выражению Ю. А. Язовских, «это бессмысленно не замечать» [13, с. 11]. Из всего этого можно сделать вывод, что вина как обязательный признак любого преступления не может быть сведена лишь к психическому отношению преступника к своему деянию. Кроме психического отношения субъекта вина всегда включает социально-правовую оценку отношения виновного к охраняемым уголовным законом ценностям [11, с. 244].

Несоответствие отдельных положений действующего УК РФ складывающейся практике и ее формирование на основе критериев, выходящих за рамки принципа субъективного вменения, позволяют сделать вывод о реальном суще-

ствовании вменения объективного. Объективное вменение, безусловно, должно быть как можно больше ограничено рамками закона, но отрицать его реальное существование в действующем УК РФ (при этом ст. 216 является лишь одним из проявлений) достаточно сложно. Несмотря на всю его парадоксальность и противоречие принципу законности, оно выполняет важную роль в уголовно-правовом регулировании. Искоренение лазеек для объективного вменения законодательным путем вполне возможно, но в таком случае не будет «торжествовать социальная справедливость, поскольку появится «отдушина» для уклонения от уголовной ответственности значительного числа лиц, совершивших преступления» [7, с. 38–39]. Безусловно, законодатель обязан стремиться к тому, чтобы ограничить возможность применения объективного вменения, но пока следует признать, что реализация действующего уголовного законодательства не может осуществляться исключительно на началах законности.

Подводя итог, необходимо отметить, что квалификация нарушений правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ имеет субъективно-объективное начало. Презумпция знания лицом, на которое возложены те или иные обязанности при выполнении указанных видов деятельности, норм закона или иных нормативных актов, а также должностных инструкций правоприменителем воспринимается априори. Таким образом, профессиональная (специальная) вменяемость выступает для практических работников определяющим фактором в ходе решения главного вопроса о виновности или невиновности того или иного лица. При этом требования ч. 2 ст. 5 УК РФ зачастую остаются декларативными, не всегда имеется возможность их реализовать в ходе квалификации преступного бездействия, допущенного при ведении горных, строительных или иных видов работ.

Библиографический список

1. Бавсун, М. В. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве / М. В. Бавсун, С. В. Векленко, М. Б. Фаткуллина // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 125–135.
2. Бавсун, М. В. Проблемы виновного вменения за преступления, совершаемые по неосторожности / М. В. Бавсун, С. В. Векленко // Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 133–141.
3. Гринберг, М. С. Уголовное право. Избранные труды / М. С. Гринберг; науч. ред. М. С. Фокин; [вступ. ст. Т. Ф. Ящук]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 695 с.
4. Квашиш, В. Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы / В. Е. Квашиш. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. – 192 с.
5. Коткова, Ю. С. Невиновное причинение вреда, обусловленное экстремальными ситуациями или нервно-психическими перегрузками : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. С. Коткова. – Екатеринбург, 2003. – 20 с.

6. Лунеев, В. В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности / В. В. Лунеев // Гос-во и право. – 1992. – № 9. – С. 54–62.
7. Марцев, А. И. Общие вопросы учения о преступлении : моногр. / А. И. Марцев. Омск : Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2000. – 136 с.
8. Михеев, Р. И. Проблемы «специальной вменяемости» и границы уголовной ответственности / Р. И. Михеев, А. И. Коробеев // Вопр. борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1983. – Вып. 39. – С. 35–43.
9. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В. Н. Петрашева. – М., 2001.
10. Улезько, И. С. Ответственность за нарушение правил ведения горных, строительных или иных видов работ (ст. 216 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. С. Улезько. – Омск, 2014.
11. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. – М. : Юристъ, 1998. – 512 с.
12. Шаргородский, М. Д. Уголовная политика в эпоху научно-технической революции / М. Д. Шаргородский // Основ. направления науч.-техн. революции. – М., 1975. – С. 96–113.
13. Язовских, Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. А. Язовских. – Екатеринбург, 1998. – 23 с.